

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА КОЧЕВНИКОВ ТЮРКСКОЙ КУЛЬТУРЫ САЯНО-АЛТАЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности» (шифр 2009-1.1-301-072-016).

Возможности реконструкции социальной организации древних и средневековых обществ во многом зависят от специфики источниковой базы, имеющейся в распоряжении исследователей. Приведена характеристика материалов, анализ которых позволит рассматривать уровень развития социума кочевников тюркской культуры Саяно-Алтая – одного из ключевых объединений скотоводов Евразии периода раннего Средневековья.

Ключевые слова: тюркская культура; Саяно-Алтай; социальная организация.

Реконструкция социальной организации кочевников Евразии является одним из важных направлений в номунологии. В целом ряде работ теоретического плана представлен комплекс методов и подходов, применение которых является эффективным [1, 2]. При этом возможности реконструкции общественного устройства конкретного объединения скотоводов в значительной степени определяются спецификой источниковой базы. Настоящая статья посвящена рассмотрению источников и материалов, использование которых актуально в ходе реконструкции социальной организации кочевников тюркской культуры Саяно-Алтая – одного из ключевых политических образований в период раннего Средневековья.

Различные аспекты истории кочевых обществ древности и Средневековья получили освещение в письменных источниках. Период раннего Средневековья характеризуется новыми тенденциями в этом отношении. Важнейшая из них – появление собственной письменной культуры у кочевников Центральной Азии, что было в значительной степени связано с нуждами административной и дипломатической практики, необходимостью фиксации государственных актов и определенными религиозными мотивами [3. С. 158]. Изучение документов открывает широкие возможности для раскрытия различных сторон жизни скотоводов.

Период раннего Средневековья в истории кочевников Центральной Азии – это время активной экспансии, в чем особенно преуспели кочевники тюркской империи. Успешная внешняя политика первых каганов привела к тому, что скотоводы напрямую соприкоснулись со многими оседлыми народами. Как следствие в документах этих государств остались свидетельства о некоторых моментах истории кочевников. Анализ указанных материалов представляет достаточно большой интерес, хотя они не столь уж многочисленны. В распоряжении историков, археологов, лингвистов имеются три группы письменных источников по истории кочевых племен Центральной Азии периода раннего Средневековья. Они имеют различное происхождение и источниковедческие характеристики. Рассмотрим возможности изучения каждой группы материалов отдельно.

Традиционно одним из наиболее ценных источников по истории кочевых народов Центральной Азии являются китайские династийные хроники. Сведения по различным аспектам существования тюркской куль-

туры обнаруживаются в документах династий Суй (581–618) и Тан (618–907). В китайских трудах имеются специальные главы, посвященные описанию политической истории и быта народов, окружавших Поднебесную империю. Изучение китайских летописей периода раннего Средневековья возможно благодаря работам Н.Я. Бичурина и Лю Маоцая, в разные годы осуществивших перевод значительной части документов. Дополнительные материалы приводятся также в исследованиях Н.В. Кюнера [4], А.Г. Малявкина [5], Ю.С. Зуева [6] и др. Изучение политической и этнокультурной истории тюрков раннего Средневековья также в значительной степени базируется на изучении хроник Поднебесной империи. Сведения китайских летописцев являлись основой для создания обобщающих монографий по различным аспектам существования раннесредневековых кочевников [7, 8].

Важность сведений, приводимых в трудах китайских летописцев, заключается в точной датировке основных событий. Династийные хроники характеризуются достаточно четкой структурой, унифицированностью в описании «северных варваров». Это позволяет максимально эффективно использовать все имеющиеся сведения. С другой стороны, целый ряд характеристик существенно снижает ценность рассматриваемых документов. Прежде всего при анализе династийных хроник необходимо учитывать специфику внешней политики Поднебесной империи, которая в яркой форме отразилась и при написании трудов периода раннего Средневековья.

Исследователи отмечают, что начиная с эпохи Хань и вплоть до второй половины XIX в. китайское общество пользовалось одной неизменной в своих общих чертах доктриной внешних отношений [9. С. 53]. Суть ее заключалась в разделе мира на две части: Китай и варвары, отличающиеся низким уровнем развития. Последняя характеристика в полной мере применялась христианами при описании быта и общественных отношений северных соседей – кочевников Центральной Азии. Наличие достаточно устойчивых стереотипов по отношению к кочевникам различных эпох в работах историков Поднебесной империи весьма негативно отразилось на объективности приводимых ими сюжетов. Кроме того, необходимо обратить внимание на выборочность сведений китайских авторов. Подобная ситуация обусловлена несколькими обстоятельствами.

Во-первых, описания хронистов не могли быть исчерпывающими в силу сложности получения полной информации о северных соседях, отличавшихся весьма специфичной культурой, образом жизни. Характеристики, приводимые в династийных хрониках, основаны на отрывочных данных, почерпнутых от информаторов и в ходе непосредственных контактов с представителями верхушки кочевых империй. В последнем случае имеются в виду дипломатические связи, которые, однако, далеко не всегда были прочными в силу неустойчивости политической ситуации в регионе. Кстати, поэтому вполне закономерно, что основное внимание китайские историки обращали на перипетии внешней политики в ущерб другим сюжетам истории кочевых племен Центральной Азии.

Яркой иллюстрацией отрывочности сведений хронистов Поднебесной империи является описание китайскими авторами погребальной обрядности различных кочевых племен. Эти сведения традиционно привлекаются исследователями для сравнительного анализа с археологическими памятниками с целью определения этнической и культурной принадлежности объектов. Однако в большинстве случаев информация, зафиксированная в династийных хрониках, не находит подтверждения на конкретном материале. Подобная ситуация наблюдается и в плане описания хронистами погребального обряда тюркок-тугю. Памятники, полностью соответствующие предложенному описанию, в Саяно-Алтае и на сопредельных территориях, на сегодняшний день не известны. Одним из наиболее вероятных объяснений является то, что сведения в документах носят компилятивный характер [3. С. 198].

Другая группа письменных материалов по истории раннесредневековых кочевников – тюркские рунические надписи. На сегодняшний день накоплен значительный опыт в области их изучения [10–13 и др.], что позволяет не останавливаться подробно на раскрытии специфики текстов. Обозначим лишь основные тенденции, определяющие значимость тюркских рунических надписей для изучения различных характеристик устройства общества кочевников второй половины I тыс. н.э.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на неоднородность рассматриваемых документов. Различная жанровая принадлежность и выделение нескольких групп текстов [13. С. 53–54] позволяет говорить об особой ценности конкретных памятников. Наиболее важными для изучения специфики развития общества тюркок являются историко-биографические материалы, включающие разноплановую информацию. К таким документам относятся крупнейшие памятники рунической письменности, которые некоторые исследователи считают возможным характеризовать как незаурядные литературные произведения [12. С. 5].

Рассматриваемые тексты позволяют представить не только общую канву исторических событий на территории Центральной Азии в раннем Средневековье, но и охарактеризовать отдельные аспекты социальной организации тюркок. В частности, в документах приводится информация, связанная со спецификой взаимодействия различных групп населения каганата, имеются сведения, на основе которых возможно раскрытие особенностей политической иерархии в кочевой империи и т.д.

Определенный интерес представляют и другие группы материалов: эпиграфическая лирика, юридические документы и др. Для раскрытия специфики исторического развития периферийных территорий большое значение имеют краткие тексты [14. С. 180], к которым относятся надписи на скалах, камнях, строениях и метки на бытовых предметах.

Нет сомнений, что тюркские рунические надписи являются важным источником по различным аспектам социального, этнокультурного и политического развития населения тюркской культуры. Тем не менее имеется целый ряд моментов, которые необходимо учитывать при изучении обозначенных материалов. Одной из характеристик рунических текстов, особенно наиболее крупных памятников, является высокая степень политизированности информации. Это связано со сложными процессами, происходившими в тюркском обществе, в том числе с внутренними распрями и борьбой отдельных политических группировок кочевников [10. С. 32]. Данное обстоятельство определило выборочность сведений, приводимых в документах, и негативно отразилось на объективности источника.

Дополнительные свидетельства по истории кочевых обществ Центральной Азии периода раннего Средневековья приведены в трудах византийских, арабских и персидских авторов [10. С. 61–63]. Имеющиеся в распоряжении исследователей материалы касаются, главным образом, западных тюркок. Однако отдельные замечания, приводимые средневековыми историками, представляют определенную ценность для реконструкции некоторых сторон жизни кочевников Центральной Азии [15, 16].

Итак, письменные материалы остаются ценным источником информации по истории населения тюркской культуры Центральной Азии. В рамках нашего исследования наиболее важными являются сведения, касающиеся характеристики общественного и политического устройства кочевников. В документах приводятся титулатура тюркок, описание функций конкретных слов в политической иерархии, особенности их взаимодействия. В то же время рассмотрение различных групп материалов позволило выделить общие негативные черты, которые необходимо учитывать при анализе приводимой в них информации. Прежде всего, имеет место политизированность документов. Общим моментом является также описание преимущественно центра кочевой империи, в то время как периферийные территории остаются (за редким исключением) почти неизвестными тюркским и китайским историкам, не говоря уже о византийских, арабских и персидских авторах. Последнее обстоятельство представляется весьма существенным, так как Горный Алтай, Тува и Минусинская котловина являлись северной окраиной политического объединения тюркок, хотя имели большое значение на различных этапах этно- и политогенеза кочевников. Нельзя не упомянуть, что на сегодняшний день остаются вопросы, связанные с точностью перевода документов.

Отрывочность и выборочность сведений раннесредневековых авторов, объясняющаяся различными обстоятельствами, определяют ограниченность письменных источников. Поэтому для объективной харак-

теристики различных сторон жизни кочевников, в том числе и специфики социальной истории номадов, необходимо привлечение других материалов. Наиболее перспективным в этом плане представляется изучение археологических памятников, раскопанных на территории Саяно-Алтая.

Первые сведения о раннесредневековых комплексах Горного Алтая, Тувы и Минусинской котловины были получены уже в XVIII в. На сегодняшний день накоплен значительный материал, изучение которого позволяет рассмотреть различные аспекты существования общества кочевников. В рамках настоящего исследования важно обозначить возможности изучения специфики социальной истории номадов на основе анализа археологических объектов. Поселенческие комплексы, являющиеся важнейшими свидетельствами жизнедеятельности древних и средневековых обществ, при изучении памятников тюрков зафиксированы крайне фрагментарно. Поэтому целесообразным будет разделение объектов на «поминальные» и погребальные. При этом необходимо учитывать, что в ряде случаев подобная классификация является достаточно условной и выполняет функции рабочей схемы.

На обширных территориях степей Евразии широко распространены «поминальные» памятники номадов. Традиционно к подобным объектам тюркской культуры относят каменные оградки, изваяния, балбалы. Несколько особняком стоят так называемые княжеские комплексы, расположенные на территории Монголии. В настоящее время в научной литературе достаточно широко представлены различные аспекты изучения поминальных памятников кочевников тюркской культуры. Однако, несмотря на развернутое обоснование авторских концепций, многие моменты, связанные с интерпретацией подобных объектов, остаются дискуссионными. Очевидно, что это обстоятельство серьезным образом осложняет привлечение рассматриваемых комплексов для изучения конкретных сторон общественного развития номадов. Отметим также отсутствие специальных исследований, посвященных анализу памятников с этой точки зрения. Тем не менее обозначим ряд особенностей поминальных объектов, использование которых возможно при осуществлении социальных реконструкций.

Важнейшей характеристикой каменных оградок являются особенности конструкции, что позволило специалистам выделить типы объектов [17. С. 99–100; 18–20]. Различия между поминальными сооружениями определяются также их размерами [21. С. 513–514]. Отметим, что при исследовании некоторых оградок были обнаружены предметы инвентаря, довольно редко встречающиеся в погребальных комплексах и представлявшие, по всей видимости, определенную ценность: панцирные пластины, серебряный сосуд, палаш, наконечник копья и др. В то же время абсолютное большинство поминальных объектов почти не содержало вещей. Что касается тюркских изваяний, то основным направлением в их изучении, скорее всего, является рассмотрение предметов вооружения, одежды и украшений, зафиксированных на скульптурах. Многие из вещей имеют аналогии в погребальных комплексах, что позволяет в ряде случаев определить датиров-

ку изображений [19. С. 22–47]. При этом следует обратить внимание на некоторые отличия в оформлении изваяний, что проявляется в степени их реалистичности, в количественном и качественном составе изображенных вещей и др. Обозначенные характеристики каменных оградок и изваяний могут объясняться сложной этнической ситуацией на территории Горного Алтая в эпоху раннего Средневековья, наличием большого количества различных культовых практик и т.д.

Однако не следует исключать и социальной обусловленности особенностей поминальных объектов. В частности, интересным является соотношение отдельных типов оградок с наиболее реалистичными, «богато» оформленными изваяниями [18. С. 153]. Изваяния и оградки распространены на территории Саяно-Алтая неравномерно. Одной из главных особенностей в этом отношении является их почти полное отсутствие в Минусинской котловине. Подобное обстоятельство отмечается исследователями как одна из особенностей развития культуры тюрков на этой территории и связывается с кратковременностью господства номадов обозначенной общности [22, 23].

В целом поминальные объекты необходимо учитывать как дополнительный источник. Однако основной акцент необходимо делать на изучении погребальных комплексов, традиционно считающихся наиболее информативными в ходе проведения палеосоциальных реконструкций.

Погребальные памятники кочевников тюркской культуры распространены в основном на территории Горного Алтая, Тувы, Минусинской котловины. Именно Саяно-Алтай является регионом наибольшего сосредоточения рассматриваемых объектов. В незначительном количестве погребальные комплексы тюрков раннего Средневековья исследованы в Монголии, известны также памятники на территории Тянь-Шаня и отдельные объекты в Казахстане.

В настоящее время в отечественной литературе представлено достаточно большое количество теоретических разработок в плане анализа погребальных комплексов для определения отдельных характеристик общества [24–27]. Имеется и практический опыт в этом направлении [28–30 и др.]. В основном подобные работы связаны с изучением общественного устройства номадов раннего железного века, однако существуют отдельные исследования, посвященные изучению обществ эпохи Средневековья [31]. Учитывая опыт обозначенных работ, а также специфику имеющегося материала, возможна разработка и реализация программы по изучению погребальных комплексов тюрков Саяно-Алтая.

Таким образом, в настоящее время в распоряжении исследователей имеются различные источники, позволяющие раскрыть специфику социальной истории населения тюркской культуры Саяно-Алтая, – письменные, археологические, иконографические и другие материалы. Комплексный подход является наиболее перспективным для реализации подобной работы. Сочетание результатов анализа различных групп материалов позволит представить объективную картину этносоциального и политического развития племен кочевников в период раннего Средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Социальная структура ранних кочевников Евразии* / под ред. Н.Н. Крадина, А.А. Тишкина, А.В. Харинского. Иркутск, 2005. 312 с.
2. *Васютин С.А., Даиковский П.К.* Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего Средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул, 2009. 400 с.
3. *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. 346 с.
4. *Кюннер Н.В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. 391 с.
5. *Малявкин А.Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии : тексты и исследования. Новосибирск, 1989. 431 с.
6. *Зуев Ю.С.* Ранние тюрки: Очерки истории и идеологии. Алма-аты, 2002. 338 с.
7. *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. М., 2002. 560 с.
8. *Кычанов Е.И.* Кочевье государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997. 319 с.
9. *Крюков М.В., Малявин В.В., Сафронов М.В.* Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). М., 1984. 235 с.
10. *Бернштам А.Н.* Рунические письменности евразийских степей VI–VIII вв. М. ; Л., 1946. 208 с.
11. *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. М. ; Л., 1951. 447 с.
12. *Поэзия древних тюрков VI–XII вв.* М., 1993. 176 с.
13. *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические надписи как источник по истории Средней Азии. М., 1964. 216 с.
14. *Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. М., 1994. 327 с.
15. *Юнусов А.С.* Военное дело тюрков в VII–X вв. (по арабским источникам) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 97–105.
16. *Калинина Т.М.* Ал-Масуди о тюрках // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1998. С. 54–58.
17. *Гаврилова А.А.* Могильный Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л., 1965. 146 с.
18. *Кубарев В.Д.* Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979. С. 135–160.
19. *Кубарев В.Д.* Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984. 230 с.
20. *Матренин С.С., Сарафанов Д.Е.* Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2006. Вып. 3–4. С. 203–218.
21. *Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кычанова К.Ы.* Раскопки поминальника Биченег в 2003 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003. Т. 9, ч. 1. С. 510–515.
22. *Митько О.А., Тетерин Ю.В.* О культурно-дифференцирующих признаках древнетюркских погребений на Среднем Енисее // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск, 1998. Т. 1. С. 396–403.
23. *Худяков Ю.С.* Древние тюрки на Енисее. Новосибирск, 2004. 152 с.
24. *Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л., 1976. 191 с.
25. *Алекшин А.В.* Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. Л., 1986. 192 с.
26. *Генинг В.Ф., Буянтян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А.* Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев, 1990. 304 с.
27. *Ольховский В.С.* Погребальная обрядность и социологические реконструкции // Российская археология. 1995. № 2. С. 85–98.
28. *Матвеева Н.П.* Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. Новосибирск, 2000. 399 с.
29. *Тишкин А.А., Даиковский П.К.* Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул, 2003. 430 с.
30. *Матренин С.С.* Социальная структура населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры II в. до н.э. – V в. н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005. 23 с.
31. *Серегин Н.Н.* Опыт и перспективы реконструкции социальной организации кочевников тюркской культуры Саяно-Алтая // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2008. С. 145–157.

Статья представлена научной редакцией «История» 21 июля 2011 г.